

УДК 811
ББК 81.411.2-02
М20

Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 3 / Ред. Кс. П. Семёнова. — М.: «Буки Веди», 2021. — 180 с. — ISBN 978-5-4465-3478-4.

В основу сборника вошли статьи, написанные участниками третьей конференции «Малые языки в большой лингвистике», проведённой кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 23–24 апреля 2021 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

Лексикализация рефлексива в нахско-дагестанских языках: от местоимения к союзу/частице*

Айгуль Наилевна Закирова¹, Тимур Анатольевич Майсак²

^{1,2}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

²Институт языкознания РАН

¹aigul.n.zakirova@gmail.com, ²timur.maisak@gmail.com

Известно, что рефлексивные местоимения в нахско-дагестанских языках используются в нескольких функциях: собственно рефлексив, интенсификатор, логофор, анафор. В статье рассматриваются особые, прежде не засвидетельствованные употребления рефлексивных местоимений в двух нахско-дагестанских языках — рутульском и андийском. Для рутульского *již* это противительная функция ('но, однако'); андийское *zibgu* имеет противительные и рестриктивные употребления ('только', 'просто'). Два языка различаются по степени лексикализации местоимения: если в рутульском бывший рефлексив утратил согласование по роду и фактически превратился в неизменяемый союз, то в андийском местоимение сохраняет согласование. По нашему предположению, источником обеих функций стали употребления местоимений как интенсификаторов; при этом даже согласуемые местоимения в новых функциях уже, по-видимому, нельзя считать интенсификаторами.

Ключевые слова: рефлексивы, интенсификаторы, противительный союз, частица, лексикализация, нахско-дагестанские языки, рутульский язык, андийский язык.

* Мы благодарим наших консультантов по андийскому и рутульскому языкам, а также участников конференции «Малые языки в большой лингвистике» 2021 года и семинара Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ за обсуждение и комментарии.

Lexicalized reflexives in Nakh-Daghestanian: From pronouns to conjunctions/particles

Aigul Zakirova¹, Timur Maisak^{1,2}

¹National Research University Higher School of Economics,

²Institute of Linguistics RAS

¹aigul.n.zakirova@gmail.com, ²timur.maisak@gmail.com

Reflexive pronouns in Nakh-Daghestanian languages can fulfil a number of functions: besides reflexives proper, they serve as intensifiers, logophors and even anaphors. We look at still other uses of reflexives, which have not been reported earlier; our data come from two languages of the family. The Rutul pronoun *již* can have an adversative function ('but'); the Andi pronoun *zibgu* can have both adversative and restrictive uses ('only', 'just'). The degree of lexicalization in the two languages is different: while the former reflexive in Rutul has lost gender agreement and became a clause-initial conjunction, the Andi pronoun still displays gender agreement. We suggest that both functions in question have their origin in the use of intensifiers; however, it seems that synchronically even agreeing pronouns displaying the new functions cannot be treated as intensifiers.

Keywords: reflexives, intensifiers, adversative conjunctions, particles, lexicalization, Nakh-Daghestanian, Rutul, Andi.

1. Введение: рефлексивы в нахско-дагестанских языках

В языках нахско-дагестанской семьи рефлексивы 3-го лица представляют собой особые местоименные основы, обладающие падежным и числовым словоизменением; иногда рефлексивы изменяются также по роду (именному классу). Известная особенность нахско-дагестанских рефлексивов состоит в том, что они могут выступать далеко не только в собственно рефлексивных контекстах [Тестелец, Толдова 1998], но также широко используются как интенсификаторы [Лютикова 2002], логофоры (в конструкциях передачи речи), резюмptивы (в причастных относительных клаузах) и даже, хотя и в меньшем числе языков, как дискурсивные анафорические средства, как правило, обозначающие «фокус

эмпатии эпизода» (ср. описание цахурского *мицӀ* в грамматике [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999]). Тот факт, что функция рефлексива у соответствующих местоимений является не единственной, а, возможно, и не основной, отражается в утвердившейся в последние годы конвенции глоссировать соответствующие основы при помощи лексического ярлыка ‘сам’ (или соответственно ‘self’), а не грамматического ярлыка типа ‘REFL’ или ‘LOG’.

Далее мы, однако, обратимся не к тем хорошо известным функциям нахско-дагестанских «рефлексивов», которые были перечислены выше, а к особому пути развития, на котором местоимение превращается в союз с противительным (‘но’, ‘однако’) значением или в частицу с рестриктивным (‘только’, ‘просто’) значением. Насколько нам известно, подобные употребления местоимений типа ‘сам’ в языках семьи ранее не обсуждались. Нами они были обнаружены независимо в двух языках, относящихся к разным ветвям нахско-дагестанской семьи, — рутульском (лезгинские) и андийском (аваро-андийские), — однако мы не исключаем, что аналогичные употребления, ранее просто не привлекавшие внимания, могут быть найдены и в других языках.

Для дальнейшего изложения для нас будут важны функции нахско-дагестанских ‘сам’-местоимений как интенсификаторов. Вслед за работой [Лютикова 2002] мы будем использовать разделение на следующие пять типов употреблений: добавляющее, контрастивное, самостоятельное, неожиданное и дискурсивное (первые три из них относятся к адвербиальным, два последних — к приименным). Далее эти употребления сопровождаются толкованиями и иллюстрируются примерами, обсуждающимися в упомянутой выше работе:

- добавляющее: ‘X также участвует в ситуации Р с ролью i’, ср. (*Моя бабушка понимает в этих вещах.*) Она **сама** колдунья.
- контрастивное: ‘именно X участвует в Р с ролью i; никто другой не участвует в Р с ролью i’, ср. (*Нечего обвинять других.*) Ты **сам** во всем виноват.
- самостоятельное: ‘именно X участвует в Р с ролью i; никто другой не участвует в Р с ролью каузатора, каузируемого, помощника и т.п.’, ср. *Патимат сама испекла хлеб.*
- неожиданное: ‘X участвует в Р с ролью i’, ср. *Сам Ельцин приехал в Кванату.*
- дискурсивное: ‘X (снова) появляется в дискурсе’, ср. *Дома была только жена Ивана, а сам Иван уехал.*

В разделе 2 мы обсудим рутульский противительный союз *již*, который, по нашему мнению, восходит к местоимению ‘сам’. Раздел 3 посвящен андийскому *zibgu*, которое употребляется в двух функциях: противительной и рестриктивной. В заключении обсуждаются пути грамматикализации местоимения ‘сам’ в рутульском и андийском и подводятся итоги исследования.

2. Рутульский язык: от дискурсивного ‘сам’ к противительному ‘но’

В рутульском языке лезгинской группы нахско-дагестанской семьи местоимение ‘сам’ в форме абсолютива единственного числа представлено основой, имеющей префиксальный показатель рода, ср. *wiž* (мужской род, в глоссах 1), *riž* (женский род, в глоссах 2), *wiž* (средний род, в глоссах 3) и *již* (средний род, в глоссах 4). В косвенных падежах единственного числа различаются основы *ži-* (мужской и женский род) и *ži-* (неличные роды). Функции рутульского местоимения вполне ожидаемы на «общедагестанском» фоне это собственно рефлексив (1), логофор (2), интенсификатор (3), а также анафор, отсылающий к «фокусу эмпатии» (4). Приводимые ниже примеры относятся к мухадскому диалекту, который является также основой литературного рутульского языка.

- (1) *rasul-i-s wiž hagu-r-i.*
 Расул-OBL-DAT 1.сам 1.видеть.PFV-CVB-COP
 ‘Расул_i увидел себя_i,’ (или: ‘Расул_i увидел его_j.’) [Махмудова 2001: 173]

- (2) *q'a'sij-e-re ruxu-ra, wiž midi*
 старик-OBL-ERG 4.говорить.IPFV-PRS 1.сам здесь
aŋga-s-i.
 <1> оставаться-INF-COP
 ‘...и старик_q сказал, что он_i останется здесь.’ [Свод, т.2, текст 30]

- (3) *david-a žu bes ruxu-r-diš-me*
 Давид-ERG 1.сам.ERG PTCL говорить.IPFV-CVB-COP.NEG-Q
žu-di na'hni-ma: (...)
 1.сам-ATTR песни-OBL.PL-IN.EL
 ‘Ведь сам Давид говорит в Книге Псалмов ...’ [Лк. 20:42]

(4) *xeli riž r-aħa-ra, mi-nij-kla*
 потом 2.сам 2-убегать.IPFV-PRS этот-OBL.H-INTER.EL

wi-ruŋu-ra wiriv.

3-статья.IPFV-PRS солнце

(Сестра_i рассердилась на брата и ударила его половником.)
 ‘После этого она_i убежала и превратилась в Солнце.’ [Свод,
 т.4, текст 52]

Особый интерес представляет использование формы *již* (совпадающей с местоимением ‘сам’ абсолютива единственного числа, 4 рода) в функции противительного союза типа ‘но, однако’. Это употребление упоминается в описании [Махмудова 2001: 207], ср. один из приводимых в книге примеров (5).

(5) *anuc-a jiw-a ražekim liž i-wi-r-i,*
 Ануц-ERG семь-MULT раз жребий <3>вбрасывать.PFV-CVB-COP

již sada = ki iwi·b·q’i-r-diš.

однако однажды = ADD <3> выигрывать.PFV-CVB-COP.NEG

‘Ануц семь раз участвовала в жеребьевке, однако ни разу не выиграла.’ [Махмудова 2001: 197]

Встречается противительное *již* и в доступных текстовых источниках на рутульском языке — например, в сказках, опубликованных в многотомном «Своде памятников фольклора народов Дагестана», мы обнаружили 6 примеров такого рода, а в переводе Евангелия от Луки — 5 примеров. При этом все текстовые примеры иллюстрируют такой же контекст, как в (5): *již* выступает в начале финитной клаузы, которая находится с предыдущей в отношениях противопоставления.

(6) *již wa ruxi-naqun, таа kije-s-i.*
 однако ты.ERG 4.говорить.IPFV-COND опять 4.забрасывать-INF-COP

(Наставник, — ответил Симон, — мы всю ночь трудились не покладая рук и ничего не поймали.) ‘Но раз Ты велишь, я заброшу сети.’ [Лк. 5:5]

(7) *již za-s sada ki hu-w·gu-d diš*
 однако я-DAT однажды ADD <3> видеть.PFV-ATTR COP.NEG

žag^war-di siwa-jac.

белый-ATTR горный-бык

(Всю жизнь я охотился,) ‘но белого тура вижу впервые (букв. но я ни разу не видел белого тура).’ [Свод, т.4, текст 73]

Строго говоря, в работе С. М. Махмудовой не утверждается, что противительный союз *již* происходит именно из рефлексивного местоимения, однако тождество этих двух форм трудно признать случайностью. По нашему мнению, наиболее вероятный источник *již*, «лексикализованного» в качестве союза, — это дискурсивное употребление интенсификатора, связанное с возвращением имени выделенного участника в топикальную позицию [Лютикова 2002: 29–41; ср. также Янко 2001: 295–303]. В рутульских текстах встречаются подобные примеры с местоимением ‘сам’, отсылающим к соответствующему референту и согласующимся с ним по роду:

(8) *migu^s-biš-e* *mi-nij-di* *χal-i-s*
сельчанин-OBL.HPL-ERG этот-OBL.H-ATTR дом-OBL-DAT

c'ij riχi^s-re,
огонь 4.бить.IPFV-CVB

wiž jiq'-e *ž-iñ-r* *salta-ra.*
1.сам убивать-IMP NEG-1.делать.PFV-CVB 1.оставлять.IPFV-PRS
'Аульчане [всё же] подожгли его дом, но самого оставили в живых.' [Свод, т.3, текст 87]

(9) *riž r-iñ-r* *duxar-da:* *χulka-ra.*
2.сам 2-уходить.PFV-CVB сын-APUD.EL 4.спрашивать.IPFV-PRS
(— Нет, он ничего не ест, — отвечает [за него] жена падишаха.) 'а сама пошла спросить сына.' [Свод, т.2, текст 56]

По всей видимости, на следующем этапе развития местоимение перестает отсылать к конкретному антецеденту (и наследовать его род), а также теряет падежное оформление, «застывая» в форме абсолютива единственного числа 4-го рода. В результате *již* выражает теперь лишь идею противопоставления и является своего рода начальным противительным союзом, а не местоимением.

Интересно, что лексикализация рефлексива произошла далеко не во всех рутульских диалектах: так, в кининском говоре (занимающем в диалектной классификации промежуточное положение) в противительных контекстах типа описанных выше используется только согласуемое местоимение. С аналогичной, хотя и не вполне тождественной, ситуацией мы встретимся далее в андийском языке.

3. Андийский язык: от дискурсивного ‘сам’ к противительному ‘но’ и рестриктивному ‘только’

В андийском языке (аваро-андийская группа нахско-дагестанской семьи), как и в рутульском, местоимение ‘сам’ имеет прямую и косвенную основу. В большинстве функций оно обязательно присоединяет эмфатическую частицу = *gu*. Форма абсолютива имеет суффиксальный показатель рода: *ziw* = *gu* (мужской род, в глоссах 1), *zij* = *gu* (женский род, в глоссах 2), *zib* = *gu* (род животных, в глоссах 3), *zib* = *gu* (средний род, в глоссах 4), *zir* = *gu* (средний род, в глоссах 5); во множественном числе абсолютива после показателя рода присоединяется показатель множественного числа -(V)l. В косвенных падежах единственного числа используются основы *en*(i)- (у референтов мужского рода) и *en*(i)- (у остальных референтов), к которым присоединяются падежные показатели.

Функции андийского *zibgu* совпадают с функциями аналогичного рутульского местоимения: оно может выступать как собственно рефлексив (10), логофор (11; это единственная функция, в которой местоимение выступает без частицы = *gu*), интенсификатор (12), в редких случаях — как анафор (13). В дальнейшем изложении рассматриваются данные двух диалектов: собственно андийского (по «Сказкам народов мира на андийском языке») и зиловского (по данным элицитации и корпусу текстов на зиловском диалекте).

- (10) *b-ixi-j hede-b befenu-gu som = lodu,*
4-брать-PRF этот-4 100-CARD рубль = SUBORD

en-f-xo = gu ifi-wa = lo w-u?onni-j.
сам-M.OBL-APUD.LAT = EMPH дома-1:DIR = ADD 1-уходить-PRF

{Лысый} ‘взял сто рублей и пошёл к себе домой’ (Зило, корпус).

- (11) *zi-w du-tu kumeki-tu hek^wa-f-qxi w-u?inni-ja.*
сам-1 ты.OBL-DAT помощь-DAT человек-M.OBL-INSTR 1-уходить-FUT
{Лис говорит:} ‘Я пойду искать человека тебе на помощь’ (Зило, корпус).

- (12) *hede-tu-ku rej-lo w-ug^wo-du zi-w = gu patf:ahi...*
этот-LOC-EL двор-SUP.LAT 1-приходить-PRF сам-1 = EMPH царь
‘Оттуда выходит сам король...’ {красавец, глаз не отвешь,— и не кто иной, как сам король Бакенбарды} (Анди, «Сказки»).

- (13) **zi-w = gu** *w-oχor = lo* *ti-du* *w-utʃi-du*
 сам-1 = EMPH 1-старый = ADD становится-PRF 1-умирать-INF

rihi *b-igu-b-rihi* (...)

время 4-приходить-PTCP.PFV-CVB.TEMP

{Жил один великий царь.} ‘Как состарился он и пришло время ему умирать,’ {позвал он своего единственного сына и наследника и сказал} (Анди, «Сказки»).

Кроме употреблений (10)–(13), распространенных в нахско-дагестанских языках, у андийского *zibgu* есть ещё два употребления. Одно из них, противительное (‘но, однако’), напоминает противительное употребление *již* в рутульском. Второе, рестриктивное, передает значение ‘только, просто’. Рассмотрим эти функции *zibgu* для собственно андийского и зилковского диалектов по отдельности.

3.1. Собственно андийский диалект

В «Сказках», которые написаны на собственно андийском диалекте, насчитывается 5 употреблений *zibgu*, которые не удастся свести к типичным функциям рефлексивов; при этом в 4 случаях *zibgu* находится в начале клаузы и, по-видимому, модифицирует её целиком. Переводными эквивалентами *zibgu* во всех примерах оказываются русские *только* и *просто*, однако в (15) можно усмотреть и отношения противопоставления (‘но’).

- (14) **zi-b = gu** *lenʃur-tti* *tʃ'eχ^wa* *hege-ʃu-r* *migazu-tti*
 сам-4 = EMPH мука-GEN пыль этот-М.ОБЛ-5(GEN) борода-GEN

ittu = lo *b-oχ:on-du*, *hege-r* *hats'a = vo*
 внутри = ADD 4-подниматься-PRF этот-5 белый = QUOT

ih-i-du = du.

делать-PRF = QUOT

{Говорят, что он [мельник] не был уж очень старым —} ‘просто мучная пыль въелась в его бороду и посеребрила ее’ (Анди, «Сказки»).

- (15) *j-ilo-m*, **zi-b = gu** *homolovada-tʃu* *soru-ku*
 2-уходить-IMP сам-4 = EMPH друг.PL.ОБЛ-CONT вместе-EL

tann-ja-tti-j *maʃiqχil ih-o*.
 рваться-PTCP.IPFV-OBL-DAT умение делать-IMP

{Дедушка, бабушка, — говорит Машенька, — отпустите меня в лес с подружками!} ‘Иди, только смотри от подружек не отставай’ (Анди, «Сказки»).

Во всех пяти примерах из «Сказок» *zibgu* имеет форму с показателем среднего рода *-b*, однако по имеющимся примерам невозможно определить, согласуется ли *zibgu* в противительной функции по роду или же форма с показателем *-b* используется как дефолтная: дело в том, что во всех этих примерах в одной клаузе с *zibgu* имеется абсолютный аргумент 4 рода (например, *tʼeχ^wa* ‘пыль’ в (14)). Кроме того, примеры «Сказок» не позволяют провести границу между рестриктивными и противительными прочтениями *zibgu*. Рассмотрим теперь данные зиловского диалекта.

3.2. Зиловский диалект: согласующееся *zibgu*

В зиловском диалекте есть два нетипичных для ‘сам’-местоимений употребления *zibgu*: противительное и рестриктивное. В обоих типах употреблений *zibgu* согласуется с абсолютным аргументом клаузы.

Противительное прочтение иллюстрируется в примере (16), в котором противопоставляются пропозиции ‘отец был хороший’ и ‘отец был строгий’. Носители зиловского диалекта часто переводят такие употребления *zibgu* с помощью русского союза *однако*.

(16) *dada = lo* *i-wa = lo...* *ʃu-w* *w-ɯwi*,
отец = ADD куда-1:DIR = ADD хороший-1 1-быть.AOR

zi-w = gu *strogij* *w-ɯwi*.
сам-1 = EMPH строгий 1-быть.AOR

‘Отец никуда [не пускал]... был хороший, но строгий’ (Зило, корпус).

В разделе 2 мы предположили, что рутульское *již*, лексикализованное в функции союза ‘но’, происходит от интенсификатора в дискурсивном употреблении, а о лексикализации *již* свидетельствует его застывшая, неизменяемая форма. Примеры собственно андийского *zibgu* (14)–(15) не поддаются однозначной интерпретации: не удастся определить ни с каким именно значением *zibgu* мы имеем дело, ни имела ли в них место лексикализация. В зиловском диалекте соответствующая единица согласуется по роду; таким образом, с формальной точки зрения она не является «за-

стывшей». Однако обнаруживается, что зиловское *zibgu* не всегда можно трактовать как интенсификатор в дискурсивном употреблении. В то время как пример (16) в принципе позволяет считать, что *zibgu* отсылает к именной группе *dada* ‘отец’, упомянутой ранее в этом предложении, пример (17) не допускает такой трактовки. В нем именная группа *ts'a* ‘дождь’, с которой согласуется *zirgu*, не фигурирует в предтексте и в речевой ситуации:

- (17) *di-j q'oroq'oj b-ivi rej-ʔo w-uʔinn-u,*
 я-DAT нужно 4-останавливаться.AOR двор-LAT 1-уходить-INF
zi-r = gu ts'a r-eʔi.
 сам-5 = EMPH дождь 5-идти.AOR
 ‘Я хотел пойти на улицу, но пошёл дождь’ (Зило, элицитация).

Кроме противительного, в зиловском диалекте также есть рестриктивное употребление *zibgu*:

- (18) *dʒib-ul = gu ho <w> ok'o-j, zi-j = gu aʃʃati*
 весь-PL = EMPH садиться <1 > -PRF сам-2 = EMPH Айшат
ħalt'u-mado.
 работать-PROG
 ‘Все сидят, только Айшат работает’ (Зило, элицитация).

Можно предположить, что рестриктивное употребление *zibgu* происходит от таких употреблений интенсификатора *zibgu*, у которых в ассерции есть компонент ‘X и только X’, то есть из самостоятельного или контрастивного. В этом случае возникает вопрос, является ли рестриктивное *zibgu* манифестацией какого-то из этих употреблений, или же оно обладает свойствами, которые отличают его от таких интенсификаторов. Сравним свойства интенсификаторов и свойства рестриктивного *zibgu*.

Во-первых, самостоятельное и контрастивное употребления интенсификаторов содержат в своем толковании компонент ‘X и только X’ [Лютикова 2002: 22–49]. Иными словами, рестриктивная семантика этих употреблений заключается в исключении всех альтернатив, кроме X (complement exclusion reading). Однако рестриктивное *zibgu* ведет себя иначе: оно допускает не только исключающее, как в (18), но и скалярное (rank-order) прочтение. Так, *zibgu* в (19) вводит пресуппозицию, что солдаты на некоторой шкале находятся ниже генералов. При этом отнесение некоторых референтов в (19) к классу солдат не исключает того,

что они могут принадлежать и к другим классам при других основаниях классификации, например мужчин, учителей или лентяев, то есть мы не имеем дело с прочтением, исключающим альтернативы.

(19) *hege-w-ul* *generaladu-l* *su*,
этот-1-PL генерал.PL-PL COP.NEG

hege-w-ul ***zi-w-ul = gu*** *saldato-l*.
этот-1-PL сам-1-PL = EMPH солдат.PL-PL

‘Они не генералы, они просто солдаты’ (Зило, элицитация).

Во-вторых, интенсификаторы — это единицы, прототипически ассоциированные с фокализованной именной группой [Siemund 2000: 14], но не с другими составляющими типа глагольной группы или клаузы. Однако рестриктивное *zibgu* может быть ассоциировано не с именной группой, а с другой составляющей, например с глагольной группой (20). В этом случае согласование *zibgu* контролируется абсолютным аргументом клаузы.

(20) *muḥammadi* *w-aḥo-r-si*,
Магомед 1-драться-PROG-NEG

he-w ***zi-w = gu*** *helli-r*.
этот-1 сам-1 = EMPH бегать-PROG

‘Магомед не дерется, он просто бегаёт’ (Зило, элицитация).

Таким образом, *zibgu* в противительном и рестриктивном употреблении хотя и сохраняет согласование по роду и числу, некоторыми своими свойствами отличается от интенсификаторов, которые вероятно послужили источником их развития.

4. Заключение

В статье мы описали прежде не засвидетельствованные пути развития местоимений типа ‘сам’ в нахско-дагестанских языках. Мы предположили, что два описанных употребления, а именно противительное и рестриктивное, возникли из интенсификаторных употреблений таких местоимений. Кроме того, мы показали, что рутульское *již* и андийское *zibgu* в своих новых употреблениях имеют морфологические, синтаксические и семантические свойства, отличающие их от интенсификаторов, которые вероятнее всего были их источниками.

Пути развития противительного и рестриктивного употреблений, которые мы предложили в статье, параллельны: движение по ним может происходить независимо. Стоит, однако, отметить, что совмещение противительной и рестриктивной функций типологически не уникально: например, так ведут себя англ. *but*, нидерл. *maar*, наuatль *zap*, ивр. *ax*, *ela* [König 2002: 106–107]; ср. также рус.: *Иди, только (=но) от подружек не отставай*, англ. *Just tell the truth* 'Просто скажи правду'. Таким образом, можно представить себе и такой сценарий, что какое-то из двух рассмотренных употреблений произошло от второго.

Список условных сокращений

1–5 — роды; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; APUD — локализация 'около ориентира'; ATTR — атрибутивная форма; CARD — количественное числительное; COND — условное наклонение; CONT — локализация 'в контакте с ориентиром'; COP — глагол-связка; CVB — деепричастие; CVB.TEMP — темпоральное деепричастие; DAT — датив; DIR — направительная форма; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; Н — личный род; HPL — личный род, множественное число; IMP — императив; IN — инэссив; INF — инфинитив; INSTR — инструменталис; INTER — локализация 'в среде'; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; M — мужской род; MULT — показатель кратности; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PROG — прогрессив; PRS — презенс; PTCL — частица; PTCP — причастие; Q — вопросительная частица; QUOT — квотативный показатель; SUBORD — субординатор; SUP — локализация 'под ориентиром'.

Источники текстов

Дуниялла бахуннирсси халгъгиллЛол гъгъванаб мицЦиллассол мухал (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. Магомедова П.А., пер. Алисултановой М.А. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.

Лукадаады Шадды Хабар. (Евангелие от Луки на рутульском языке.) М.: ИПБ, 2004.

Свод памятников фольклора народов Дагестана. В 20 тт. Т. 1–4. М.: Наука, 2011–2013.

Литература

Лютикова 2002 — Лютикова Е.А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Махмудова 2001 — Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. М.: ИЯз РАН, 2001.

- Тестелец, Толдова 1998 — Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. №. 3. С. 35–57.
- Янко 2001 — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- König 2002 — König E. The meaning of focus particles: A comparative perspective. London and New York: Routledge, 2002.
- Siemund 2000 — Siemund P. Intensifiers — A comparison of English and German. London: Routledge, 2000.